

стиле „богородица“ обещает казакам победу, а тем, кто погибнет, „венец нетленной“ и блаженство христианских мучеников: „имате царствовати со Христомъ во вѣки“ (л. 43).

В Исторической повести события истолковывались так же. Христиане в Азове от тех же „агарян“ долго терпели „лютую скорбь“, но настал час, „и вложи господь искру ревности в сердца казачьи“; или „и повеле... итти под град Азов и взяти его, бусурманскую поганую веру искоренити, а православную... веру утвердити попрежнему...“ (63).

Итак, в борьбе за Азов, и по документам и по повестям, Войско выполняет якобы повеление самого „бога“. Насколько злободневным было тогда это истолкование, можно судить хотя бы по тому, что на соборе сторонники присоединения Азова в своих официальных докладах на царское имя указывали: „а отдать Азов бусурманом, навещь на Всероссийское государство гнев божий“.¹ Вспомним слова Ф. Энгельса о том, что в средние века „догматы церкви были одновременно и политическими аксиомами...“.²

Вслед за речью „богородицы“ в нашей повести рассказывается о том же, что и в Особой и в Документальной повестях об Азове, о полюбившемся казакам традиционном знамени: от „образа Ивана Предтеча течаху от очей ево слѣзы многия по вся приступы...“ (л. 43).³ Однако такая „моральная“ поддержка казакам „свыше“ показалась автору недостаточной. Нужно было наглядно показать читателю, в чем именно проявилась эта помощь. Как и следует по традиции воинских повестей, турки, оказывается, во время вылазок казаков видели вместе с ними „мужа храбра... со единомъ мечомъ голым на бою ходяще, множество бусурман побивашь“. Автор пытается даже доказать реальность этого. Казаков убеждает в помощи ангела осмотр трупов противника: „мы по... убитом знаем, что дѣло божие, не рук наших... Сослана на них победа была с небѣси...“ (л. 43).

Теперь, по мнению автора, победа получила свое полное объяснение, и внезапное бегство турок становится понятным.

Отмечая правильную дату, повесть рассказывает далее: „А сентября въ 26 день в нощи от Азова города турецкие паши... со всеми своими силами... побежали никемъ намъ гоними с вѣчным позоромъ. Пошли паши турѣцкие к себѣ за морѣмъ, а крымский царь пошел в орду к себѣ, черкасы пошли в Кабарду, свое-то нагаи пошли в улусы“ (л. 43 об.). Под „своими“ нагаями здесь, очевидно, разумеются те нагайцы, которые в эту эпоху то подчинялись султану, то переходили „под руку“ русского царя. Реальность изложенного здесь подтверждается описанием Эвлия Эфенди: „Армия пошла (от Азова, — А. Р.) разными путями,

¹ Собр. гос. грамот..., стр. 393, ср. 389.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. VIII, стр. 128.

³ Ср. А. Орлов. Особая повесть об Азове, 1637—1641 гг. Чтения в Общ. ист. и древн. рос., кн. 4, М., 1907, стр. 30. — Он же. Об особенностях форм русских воинских повестей (кончая XVII в.). М., 1902, стр. 47.